

Моими глазами

A magical landscape illustration. In the center, a large, ornate golden mirror stands on a bed of sand. The mirror reflects a serene sunset scene over a calm lake, with the sun low on the horizon and its light reflecting on the water. The background is a dark, dense forest with tall trees, and the sky is filled with soft, golden clouds illuminated by the setting sun.

Злата Салтыкова

Злата Салтыкова
Моими глазами

«Автор»

2026

Салтыкова З.

Моими глазами / З. Салтыкова — «Автор», 2026

Маленький сборник коротких произведений, основанных на взрослеющем взгляде подростка.

© Салтыкова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Caecitas	5
Безмолвие	6
Фемида на поле брани	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Моими глазами

Caecitas

Я неспешно шёл по свежей траве. Она громко шелестела под моими ногами. Кончиками пальцев я чувствовал каждую росинку: её прохладу, вызывающую мурашки по всему телу, то, как мокнут под ней стопы, давая ощутить их. Воздух наполнен свободой. Моя грудная клетка вздымается, а всё тело вытягивается вверх. При вдохе почти парю над землёй- все органы обретают невесомость.

Я вижу. Вижу полную луну, она прекраснее любого красивого чувства. Холодная, недосыгаемая. Позволяет лишь смотреть. Мои руки, освещённые её полупрозрачным светом, тяжелеют и тянутся вверх. Вдох. Почти достал. Словно ещё мгновение и она исчезнет навсегда.

Но она всё там же. Безответная.

Оглядываюсь. За спиной, прямо по воздуху плывут рыбы всех известных и неизвестных цветов. Плавники развеваются, переливаясь блеском оттенков и давая рябь пространству вокруг. Ускоряю шаг, ловлю одну из них. Вблизи слышно потрескивание чешуек, проходящих сквозь пальцы. Косяк уплывает. В моих руках последняя. С тоской отпускаю её и иду дальше.

Лес. Беспокойный, проросший корнями в бесконечность. Ни птиц, ни зверей: лишь гул, приводящий в ужас. Секунда, и я уже его часть. Тело сковало, в ушах лишь тяжёлое тысячелетнее дыхание... Где выход? Нужно найти выход. Я не хочу быть здесь! Как выйти?! Громкий скрежет деревьев мучает сознание. Я жмурюсь до боли в глазницах.

Всё стихло.

Я проснулся, но так и не открыл глаза.

Безмолвие

Мария приехала к подруге детства в конце июля. Десять лет она не была в этих местах. Десять лет — целая жизнь, уместившаяся в несколько поворотов судьбы: университет, работа, другой город, уже бывший муж, и чувство, что она всё ещё не там, где должна быть. Вероника встретила её на вокзале. Та же улыбка, тот же смех, разве что волосы стали короче, а в уголках глаз появились морщинки — следы двух детей.

— Ты совсем не изменилась, — сказала Вероника, обнимая её.

— Ты тоже, — соврала Мария.

Дом Вероники и её мужа стоял на краю старого сада. Яблони и сирень росли густо, трава была высокой и мягкой, а узкие дорожки между кустами почти терялись в зелени. В середине сада стоял аккуратный белый столик, закрытый растительностью, напротив — такая же белая скамейка, украшенная рисунками цветов. Мария помнила этот сад, но другим: более диким, более тенистым, когда они были моложе и прятались здесь от солнца и дождя, разговаривая о чём-то неважном. Теперь он выглядел ухоженным, почти игрушечным. Словно живописная картинка, в которой нет места для секретов.

Вечером жёлтый свет фонаря окрашивал листья деревьев золотистым оттенком. Роса блестела на траве, а воздух был наполнен ароматом яблок. Вероника была занята в доме, расставляя тарелки к ужину, а Мария осталась в саду, слушая лёгкий шелест листвы и частое жужжание мелких насекомых.

Она сидела на скамейке, и мысли её были далеко. Она знала, что Вероника счастлива. И она знала, что должна радоваться за неё. Но где-то глубоко внутри жила заноза. Эдгар вышел из дома, чтобы позвать Марию к столу. Он шёл мягко, почти бесшумно, и она слышала его только тогда, когда тот сел рядом с ней на скамейку. От него пахло забытой свободой, чутким морем — запахом, который она узнала бы из тысячи других. Они молча смотрели на сад, и в этом молчании было больше смысла, чем в словах.

Когда их взгляды встретились, воздух между ними стал тягучим, почти осязаемым. Мария почувствовала, как её сердце сначала остановилось, а потом забилось слишком быстро, слишком громко — так, что он, должно быть, слышал это в тишине вечера.

— Лето скоро закончится, — сказал Эдгар. Голос его был тихим, и в нём звучала та же тоска, что в её груди.

Мария подняла на него глаза, спустя десяток лет он выглядел иначе: осунувшийся отец двух прекрасных детей, но взгляд — тот самый взгляд, который она видела очень давно. Теперь в нём было глубокое разочарование, потеря чего-то важного, что нельзя вернуть. И вопрос. Вопрос, который он так и не задал ей тогда, а теперь он стоял между ними, как стена, как приговор.

— Нам уже пора, — сказала она, вставая. Её руки дрожали, и она нагнула на плечи мягкий плед, чтобы скрыть эту дрожь. — Ужин уже готов.

Эдгар шёл сзади. Она чувствовала его присутствие — оно обжигало спину, заставляло плечи напрягаться. Она знала, что он смотрит на неё. И знала, что если она обернётся, то сломается. И тогда придётся говорить. А говорить было не о чем. Всё уже было сказано — сказано десять лет назад, когда она уехала, не попрощавшись. Сказано в письмах, которые она написала и не отправила. Сказано в тишине, которая теперь окружала их обоих.

Ужин прошёл быстро. Вероника смеялась, рассказывала о детях, о ремонте, о том, как они с Эдгаром купили нового щенка. Мария улыбалась, кивала, задавала вопросы — и всё это происходило как будто не с ней. Она была где-то далеко.

После еды Мария поднялась в свою комнату. Она не спала всю ночь. Смотрела на луну, которая светила холодным белым светом, и думала о том, что некоторые вещи нельзя исправить.

На следующее утро гостя уехала. Вероника махала рукой на крыльце, смеясь, а Эдгар стоял рядом, чуть сзади, молча. Его глаза были такими же, как вчера: потерянными, словно он всё ещё ждал от неё слова, которого она так и не сказала.

Сев в поезд, она закрыла глаза и наконец позволила себе заплакать. Тихо, беззвучно, так, чтобы никто не увидел.

Фемида на поле брани

Комната не проветривалась уже третьи сутки. Воздух стал вязким, и пах одновременно табаком, дешёвыми благовониями и усталостью. Писатель сидел за столом, уронив голову на руки, и смотрел в одну точку. Перед ним лежал последний чистый лист. Тот самый, который должен стать финальной точкой романа. Он не помнил, когда в последний раз спал как нормальный человек, а две бессонные ночи превратили время в резиновую. Срок сдачи рукописи был сегодня, через несколько часов за ней придет курьер

Теперь ему нужно было написать всего одну страницу. Самую важную. Ту, которая поставит точку. Но слова не шли. Они застревали где-то в горле, превращались в комок, который нельзя ни проглотить, ни выплюнуть. Он чувствовал себя выжатым. Высушенным. Будто вся жизнь, все эмоции, все силы уже вложены в эти двести тридцать семь страниц, и на финал ничего не осталось.

— Так нельзя, — сказал он вслух. Голос прозвучал хрипло. — Так нельзя.

Он встал. Ноги несли его по давно заученному маршруту: сначала круг по комнате — мимо кровати, на которой никто не спал, мимо стеллажей с книгами, которые он знал наизусть, мимо шкафа с распахнутой дверцей, откуда свисала рубашка, которую он надевал вчера или позавчера; затем — на маленькую кухню, где на плите стоял остывший чайник. Он включил огонь, механически насыпал молотые зёрна, налил воды. Кофе пах горечью. Она смешалась с табаком и благовониями, и голова заболела ещё сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.